

**ТРАДИЦИИ ПАЛОМНИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ КАК ОДНА ИЗ ОСНОВ
УСПЕШНОГО СТАНОВЛЕНИЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО
ПАЛЕСТИНСКОГО ОБЩЕСТВА****Аннотация.**

Целью исследования является рассмотрение относительно малоизученных внутренних социальных причин успеха в процессе становления и развития Императорского Православного Палестинского Общества. Паломничество, как важная составляющая духовной жизни, оказывало значительное воздействие на самосознание русского народа, духовные практики и культурные традиции. До настоящего времени в качестве основных причин быстрого и активного роста Палестинского Общества рассматривались аспекты, имеющие отношение к религии, династическим связям, политике и дипломатии Российской империи соответствующего периода, что в настоящее время представляется заведомым ограничением подхода. Внимание исследователей в большинстве своем обходило стороной специфику и особенности многовековой русской паломнической традиции и практик, культивировавшихся в российском обществе фактически с момента Крещения Руси и повлиявших, очевидно, на рассматриваемые процессы.

В работе применяются историко-генетический и системно-исторический подходы, основанные на анализе первоисточников и архивных материалов. Также использовался сравнительный анализ с аналогичными движениями в других странах. Это позволяет более глубоко понять динамику развития паломнического движения и его влияние на общество.

В ходе рассмотрения заявленной проблематики показана прямая связь сложившихся к середине XIX в. российских паломнических практик с общехристианскими, восходящими к традициям конца I тысячелетия н. э. В представленном тексте отмечены особенности исторического и религиозного развития русского общества, утраченные либо не существовавшие на христианском Западе, приведшие к формированию ряда оригинальных и отличительных черт, выделявших русское православное паломничество из традиций прочих христианских конфессий. В этой связи представляется обоснованным утверждение, что деятельность общества, которая стала одним из наиболее успешных проектов взаимодействия власти и широких народных масс на основе поддержки религиозных устремлений русского народа, достигла столь значимых результатов благодаря органическому использованию и применению норм, обычаев и практик русского паломничества, сложившихся на протяжении ряда веков.

Ключевые слова: Императорское Православное Палестинское Общество, традиции русского паломничества, Святая земля, католицизм, восточные автокефалии, православие, христианство

Информация о финансировании: настоящее исследование выполнено в рамках государственного задания по теме «Взаимодействие Русской Православной Церкви и Императорского Православного Палестинского Общества с восточными автокефалиями в конце XIX – начале XX века в контексте поддержки паломничества церковнослужителей в Святую Землю» (код научной темы, присвоенный учредителем, FEEF-2024-0005).

Цит.: Майоров А. А. Традиции паломнического движения в России как одна из основ успешного становления Императорского Православного Палестинского Общества // Вестник государственного и муниципального управления. – 2024. – Том 13. – № 4. – С. 101–114. – DOI:10.22394/2225-8272-2024-13-4-101-114. – EDN UVFWKT.

Original article

Anatoly A. MAYOROV

TRADITIONS OF THE PILGRIMAGE MOVEMENT IN RUSSIA AS ONE OF THE FOUNDATIONS FOR THE SUCCESSFUL DEVELOPMENT OF THE IMPERIAL ORTHODOX PALESTINE SOCIETY

Abstract. *The aim of the study is to examine the relatively little-studied internal social reasons for the success of the formation and development of the Imperial Orthodox Palestine Society. Pilgrimage, as an important component of spiritual life, had a significant impact on the self-awareness of the Russian people, spiritual practices and cultural traditions.*

Until now, the main reasons for the rapid and active growth of the Palestinian Society have been considered to be aspects related to religion, dynastic ties, politics and diplomacy of the Russian Empire of the corresponding period, which currently seems to be a deliberate limitation of the approach. The attention of researchers has mostly ignored the specifics and features of the centuries-old Russian pilgrimage tradition and practices that were cultivated in Russian society virtually from the moment of the baptism of Rus and obviously influenced the processes under consideration.

The work uses historical-genetic and system-historical approaches based on the analysis of primary sources and archival materials. A comparative analysis with similar movements in other countries was also used. This allows us to understand more deeply the dynamics of the development of the pilgrimage movement and its impact on society.

In the course of examining the stated problems, a direct connection is shown between the Russian pilgrimage practices that had developed by the middle of the 19th century and the general Christian ones, dating back to the traditions of the end of the 1st millennium AD. The presented text notes the features of the historical and religious development of Russian society that were lost or did not exist in the Christian West, which led to the formation of a number of original and distinctive features that distinguished Russian Orthodox pilgrimage from the traditions of other Christian denominations. In this regard, it seems reasonable to assert that the activities of the Society, which became one of the most successful projects of interaction between the authorities and the broad masses of the people based on the support of the religious aspirations of the Russian people, achieved such significant results due to the organic use and application of the norms, customs and practices of Russian pilgrimage that had developed over a number of centuries.

Keywords: Imperial Orthodox Palestine Society, traditions of Russian pilgrimage, Holy Land, Catholicism, Eastern autocephalies, Orthodoxy, Christianity

Funding information: This study was carried out within the framework of the state assignment on the topic “Interaction of the Russian Orthodox Church and the Imperial Orthodox Palestine Society with the Eastern autocephalies in the late 19th – early 20th centuries in the context of supporting the pilgrimage of clergy to the Holy Land” (research topic code assigned by the founder, FEEF-2024-0005).

For citations: Mayorov A.A. (2024) Traditions of the pilgrimage movement in Russia as one of the foundations for the successful development of the Imperial Orthodox Palestine Society. Journal of Public and Municipal Administration. Vol. 13, no. 4. P. 101–114. DOI:10.22394/2225-8272-2024-13-4-101-114. EDN UVFWKT.

ВВЕДЕНИЕ

Исследование деятельности Императорского Православного Палестинского Общества (ИППО), предпосылок его возникновения, особенностей работы и взаимодействия с различными слоями российского общества продолжается уже ощутимо более ста лет. И до настоящего времени в его ходе постоянно открываются новые аспекты, разворачиваются новые подходы, затрагиваются новые связи с огромным количеством особенностей внутрироссийских и общемировых процессов, протекавших в мире на протяжении многих столетий. Рассмотрение частного вопроса о специфичности некоторых аспектов паломнических практик, осуществляемых русскими православными верующими на Святой земле под патронажем общества, заставляет обратиться к глубоким слоям народного православия, уходящего своими корнями ко временам Крещения Руси.

Поверхностный взгляд на процесс организации и персоналии создателей Императорского Православного Палестинского Общества может создать впечатление об очевидной «вершечности» этой структуры, её явной удалённости от чаяний подавляющего большинства подданных Российского государства той эпохи. С формальной точки зрения это выглядит действительно так: в числе его основателей – представители правящей династии, высшие сановники, члены их семей. Что они могли знать о жизни простых людей? В то же время подробное рассмотрение истории ИППО позволяет утверждать, что оно не может рассматриваться исключительно как проект, посвященный удовлетворению запросов высшего общества, а внимательный анализ его деятельности позволяет представить её в качестве истории успеха, основанного во многом на творческой адаптации к новым временам древней и глубокой народной традиции, постоянном расширении масштабов и вовлечении в неё широчайших слоёв населения, добровольном объединении в рамках сознательной созидательной работы большого числа людей самой разной имущественной и сословной принадлежности.

СТЕПЕНЬ РАЗРАБОТАННОСТИ ТЕМАТИКИ

Паломничество к святым местам на Руси имеет долгую историю – практически с самого момента принятия христианства [4, С. 127–129]. Многочисленные рассказы о посещении Иерусалима, Гроба Господня, прочих мест, описанных в Священном Писании, были чрезвычайно популярны не только у знати, но и среди низших слоёв русского общества на протяжении большей части русской истории. Более того, «поклонничество» (как его тогда называли) заложило основу целого направления крайне популярного жанра отечественной литературы той эпохи – хождений. Достаточно упомянуть такие из них, как «Житие и хождение игумена Даниила из Русской земли» (1104–06 гг.), «Книга Паломник. Сказание мест святых во Царьграде Антония, архиепископа новгородского, в 1200 г.», «Беседа о святынях Царьграда» и «Сказание о святых местах и о Константинограде» («Анонимное хождение в Царьград») начала XIV в., «От Странника Стефанова Новгородца» середины XIV в., «Хождение Архимандрита Агрефенья обители Пресвятой Богородицы» второй половины XIV в., целая подборка хождений Игнатия Смольнянина – в Царьград, в Иерусалим, на гору Афон и прочие места на рубеже XIV – XV вв., «Хождение в Царьград» дьяка Александра (конец XIV в.), а также многие другие произведения на эту популярную тему. Данный жанр, ставший, по мнению ряда исследователей, одним из самобытных русских культурных феноменов, оказался, кстати, весьма ценен с точки зрения исторической науки как один из видов исторических источников, повествующих о жизни Древней и Средневековой Руси, о событиях на Ближнем Востоке, в Византии, внутри- и внешнеполитических событиях, о бытовых и духовных нуждах и многом другом, чрезвычайно ценном для понимания особенностей описываемой эпохи.

Столь богатый источниковый материал и тематика паломничества (в первую очередь на Святую землю) как явления интересовали русских историков с момента зарождения отечественной исторической науки. Не вдаваясь в детали, следует признать, что к настоящему моменту существует весьма обширная исследовательская литература, посвященная данному вопросу [25, С. 188–209; 7, С. 8–27, 48–74, 110–128, 157–170, 303–318; 20; 24; 9; 13; 4, С. 127–131]. Среди современных обобщающих и во многом результирующих научных работ указанной тематики следует отдельно отметить монографию С. Ю. Житенева «История русского православного паломничества в X – XVII веках», в которой исследователь отмечает ряд принципиальных моментов, серьёзно повлиявших на особое восприятие русскими православными людьми паломничества именно в Святую землю, в частности на то, что в первые полтора-два столетия истории Руси как христианской страны паломниками («поклонниками») здесь считали исключительно людей, совершивших в качестве богомольцев путешествие в Палестину, Константинополь или на Афон. Позднее, по мере строительства и роста собственных монастырей и храмов, по мере появления собственной национальной православной традиции, на русских землях возникают оригинальные обычаи почитания чтимых и чудотворных икон, мощей праведников и святых, крестов и мест: первоначально – в Киеве и Новгороде, потом – во Владимире и Москве и далее – по всей стране [9, С. 133–140]. И другой важный аспект: после падения Константинополя значение, престижность и важность паломнических странствий в Святую землю ни в коей мере не упали, но, напротив, значительно возросли вследствие тягот пути, вызванных османским завоеванием, преодоление которых налагало на предпринимаемое странствие знак безусловного героизма. В упомянутой выше работе весьма четко прослеживается не прерывавшееся на протяжении всего времени исповедания русскими православной веры всё расширявшееся на протяжении столетий широчайшее паломническое (поклонническое, странническое, богомольское и т. д.) движение.

Первоначальный импульс русским паломничеством был получен, а позднее оформлен в широкое движение благодаря быстро сложившейся традиции «хождений» выходцев (прежде всего) из высших слоев общества в Святую землю. Не имея возможности совершения массового паломничества к святым местам библейских повествований, менее состоятельные представители русского народа направили свою энергию на поклонение святыням, находившимся в пределах реальной досягаемости: прославленным монастырям и церквям, местам деятельности и упокоения святых, прочим местам, освященным деятельностью русских православных святителей и авторитетов [14; 16, С. 465–500; 23 и др.]. К сожалению, к настоящему времени нет современных работ, в достаточном объеме описывающих паломничество («поклонничество», странничество, богомолье) в Российской империи XVIII – XIX вв. во всей полноте, масштабности и массовости этих процессов, но имеющиеся исследования ситуации в отдельных регионах и отдельных хронологических периодах всё же позволяют оценить немалые масштабы и прийти к определённым выводам [7; 21; 18; 1 и др.].

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Рассмотрение данных процессов позволяет заметить, что русское паломничество и странничество быстро приобрели самостоятельную ценность для всех слоёв населения. Вследствие этого «странническое житье издревле называлось «честным и Богу угодным подвигом», а самые странники – «любимцами Божьими» [8, С. 18]. Значимой и важной представляется мотивационная составляющая русских странников: сознательное благочестие, искупление жизненных грехов, преодоление трудностей пути как совершение подвига, стремление к Богу как осознанное движение к достижению своего идеала, паломничество как профессиональная деятельность, стремление к научным изысканиям, достижение коммерческих целей, любо-

пытство, зависть, замаливание грехов других людей, тунеядство и разнузданность, бегство от греховности [4, С. 129–130]. Список этот, очевидно, не полон. Нетрудно отметить его многоплановость, а также явную многозначность составных частей отмеченных процессов и, как следствие, чрезвычайную разнородность собственно паломников. Ряд исследователей отмечают паломничество малых и недалеких форматов в качестве неотъемлемой составляющей повседневности народных масс, что как раз и создавало широчайшую низовую основу этого движения [21, 251–300; 18, С. 60–64]. Масштабы же всего «поклоннического» движения были, очевидно, поистине грандиозны.

Практически все исследователи отмечают, что особый толчок в своем развитии русское паломничество получило после реформ 1861 года, когда количество паломников резко возросло, что было во многом связано с управленческими проблемами переходного этапа: «период реформ 1861–1864 гг. был временем, когда право на свободу передвижения на территории Российской империи было практически неограниченным» [11, С. 14]. Данные современников и свидетелей этих процессов прямо подтверждают их наличие. В частности, С. В. Муравьев указывает на лавинообразное (фактически тридцатикратное увеличение) числа паломников в Киево-Печерской лавре в течение первой половины 1861 года [14, С. 313]. Подобные процессы были явно связаны не только с получением административной свободы, но и, по всей видимости, с силой психологического и социального потрясения, испытанного подданными империи: помещики ещё не вполне понимали, как они могут себя вести, простецы «тестировали» пределы возможного.

Следует полагать, что и ранее весьма значительное число профессиональных «странников» и «калик» с момента реформ также ощутимо возросло. Несмотря на то что большая часть участников движения не выходила за пределы империи, его масштабы были крайне велики. Сочетание масс профессиональных и полупрофессиональных «странников» с обычными «ситуативными» паломниками придавало этому движению несопоставимые ни с чем масштабы. Речь идет о десятках (иногда и сотнях) тысяч участников [10]. По всей видимости, именно русское паломническое движение, направленное на посещение, прежде всего, отечественных святых мест, издавна ставших объектом поклонения широких народных масс, и порождённое изначально сформировавшейся «сверху», но позднее ставшее абсолютно «народным», способствовало возникновению в XIX веке весьма обширного народного же паломничества в места Святой земли, описанные в христианских священных текстах.

С формальной стороны, первоначальная активность представителей правящей династии в области организации паломничества в Святую землю стала результатом религиозно-туристических поездок их самих и их приближённых. Они не испытывали тех сложностей и тягот, которые выпадали на долю простых паломников и «поклонников». Представляется, что если бы в обществе не было потенциала развития этого вида активности, то, скорее всего, своеобразным верхушечным религиозным туризмом подобная деятельность бы и ограничилась, даже несмотря на многочисленные государственные интересы в регионе. Фактически по такому пути пошло развитие событий в деле паломничества западных христиан, в большинстве своем сведшемся к посещению памятных библейских мест в максимально комфортных условиях и учреждению многочисленных миссий по привлечению туземцев [26; 6, С. 68–70].

В тот же момент активность представителей правящего дома совпала с периодом Великих реформ и уже упомянутым беспрецедентным расширением свободы передвижения для широких народных масс: русские паломники начали ощутимо и относительно массово появляться на Святой земле. И это сочетание оказалось решающим. Православное паломничество до появления русских сводилось к перемещениям по Ближнему Востоку греков и армян, привычных к местным порядкам, правилам и обычаям [15, С. 5–7]. Появившиеся здесь паломники с севера производили на наблюдателей большое впечатление своим кардинально отличаю-

щимся поведением: они выглядели как люди, искренне стремившиеся к религиозному очищению и просветлению, смиренно принимавшими все удары, получаемые в процессе странствий. По всей видимости, обычаи и порядки хождений, принятые во время «поклонничества» внутри России, распространялись русскими паломниками на посещение Святой земли, что резко контрастировало как с традиционной шумливостью христиан местных, так и с туристическим настроением христиан западных [19]. Представляется, что то, как выглядели и вели себя сами паломники – их пренебрежение бытовыми благами, самоотверженность, очевидная сосредоточенность на религиозном просветлении, было во многом определено нормами поведения, сложившимися на протяжении веков внутри русской страннической традиции, и являлось воплощением вековых русских религиозных практик.

Крайне интересны параметры русского паломничества, делающие его особым и отличным от похожих движений из иных христианских стран: его половой и социальный состав. Среди русских «поклонников» в Святой земле преобладали, в отличие от европейской практики, женщины [27, С. 317, 326]. Здесь прослеживается прямая и непосредственная связь с традициями внутривосточного паломничества, в котором, в отличие от Запада, да и Востока, «женщины ходили больше, чем мужчины» [5, С. 153]. Несмотря на общепризнанную патриархальность традиционного русского общества, большинство русских паломников составляли женщины – как внутри России, так и в библейских местах [6, С. 64–65, 70, 73; 18, С. 57, 64; 14, С. 278; 3, С. 311–316, 324–326].

В качестве другой интересной и специфической черты паломников из России В. Н. Хитрово указывает, что в период с 1883 года по 1 марта 1895 года число паломников, получивших паломнические книжки, составило 50,64 % (17 208 из 32 994 человек), а с 1895 г. по начало 1899 года – только 32,68 % (23 018 из 50 772) [27, С. 312]. Он же отмечал, что «...паломническими книжками, при всей их дешевизне, запасаются лишь относительно состоятельные паломники, имеющие у себя деньги на проезд в оба конца, большинство едущих без паломнических книжек этих необходимых денег не имеет. ... всю длинную дорогу по России они делают пешие, пробираясь Божиим именем от города в город» [27, С. 314]. Далее он недоумевает о причинах не столь большой популярности выпускаемых ИППО паломнических книжек. Вероятные причины подобного положения рассматриваются в этом тексте далее.

Ещё одной особенностью было то, что социально основную массу русских паломников составляли крестьяне либо близкие к ним по ментальности низкопривилегированные сословия, что резко контрастировало с западными христианами: «ни для одной католической или протестантской страны не характерно такое преобладание среди паломников людей с низким социальным статусом» [6, С. 70]. Специфика его системы ценностей, сформированная в местах, заведомо далеко расположенных от стран Восточного Средиземноморья, взглядов и понимания «правильности» православной обрядовой системы не могла не привести к возникновению многочисленных конфликтных ситуаций, многократно описанных современниками: русские паломники шли совершать духовный подвиг, но соприкасались преимущественно с местными единоверцами, которые в большинстве своем просто оказывали платные «религиозно-туристические услуги» [15, С. 10–17, 31, 39–42]. Имеются многочисленные описания действий представителей иерархий местных православных автокефалий (Иерусалимской, Антиохийской, Константинопольской и Александрийской православных церквей), которые подтверждают как гостеприимство, так и определённую «технологичность» приёма паломников, нацеленную на быстрейшее и возмездное удовлетворение запроса на посещение христианских святынь и участие в православных богослужениях. Тем более полное и комфортное, чем большую сумму мог потратить пилигрим.

Источником внутреннего конфликта для паломников становилось очевидное отличие традиционной русской православной обрядности от порядков богослужения, принятых в право-

славных храмах Святой земли: «В головах абсолютного большинства паломников существовал сложившийся стереотип о том, что на Ближнем Востоке... они встретятся с такой же православной церковью, какая существовала в России. Только ученое духовенство с академическим образованием... имело представление о различиях Русской православной церкви и восточных христианских церквей. ...паломники обращали внимание... на то, что сразу бросалось в глаза – иное устройство православного храма, иной алгоритм богослужения» [2, С. 31]. В числе реально шокирующих для них деталей устройства греческого храма оказывались отсутствие «величественного горнего места», «существование особого отделения для женщин», отсутствие привычного паникадила и даже иконостаса! [2, С. 32]. Для людей не просто воцерковленных, а очевидно нацеленных на совершение паломничества как деяния, угодного Богу и традиции, подобные детали оказывались более чем смущающими. «...Обрядовые особенности в первую очередь бросались в глаза русским паломникам на Ближнем Востоке. Причем это прежде всего касалось представителей духовенства, которое в отличие от мирян знало малейшие тонкости в каноне богослужебной практики» [2, С. 32].

Возвращаясь к среднестатистическому русскому «поклоннику», стоит отметить, что для него в качестве образца правильного поведения существовал образ идеального странника-молельщика, которому необходимо преодолевать препятствия и испытания для достижения конечной цели паломничества: путешествие «Божьим именем» должно было полностью соответствовать требованиям, предъявляемым к истинным «поклонникам» народных представлений, и содержать ощутимый элемент духовной и телесной аскезы и даже «страданий». «Нужно безропотно переносить все лишения в пути и даже стремиться к ним... Странник, если не страдалец, то он и не странник. Странническая жизнь бесприютная... в полной покорности Богу... Спутниками паломника должны быть Новый Завет и Псалтирь, а источником облегчения и утешения – молитва в пути» [5, С. 152]. В такой ситуации комфорт путешествия в восприятии пилигримов был, вероятно, способен уменьшить соответствие общепринятым нормам странствия и даже праведность самого деяния, поэтому тяготы «правильного» паломничества воспринимались не как проблемы, но, скорее, как одно из условий «правильности» (что не вполне осознавалось представителями высших сословий).

Культурологи весьма четко разбирают структуру и фазы паломнического процесса: «Важным содержательным аспектом христианского паломничества является реализация концепта «вручения себя»... сакральным объектам, т. е. бескорыстного поклонения и служения им, своего рода личного жертвоприношения» [12, С. 20]. Крайне важным аспектом и даже «сущностью паломничества (как религиозного, так и в светского), обособляющей его от других видов путешествий, является наличие в содержательном и формальном аспектах сакрального начала» [12, С. 13]. Элементарное облегчение в дороге путем езды на лошадях либо в повозках при таком подходе полагалось неверным и предосудительным, так же как и использование разного рода механической тяги, облегчавшей путешествие. В качестве целей, достигаемых совершением паломничества, полагалось исполнение принесённого обета, молитва о благополучном разрешении важных дел, замужество (женитьба), мольба об отпущении грехов, об исцелении, избавлении от несчастий и т. д. [5, С. 153].

Русское (как и вообще традиционное христианское) паломничество четко распадается на несколько обязательных этапов, каждый из которых имеет отдельное значение и на каждом из которых «соблюдаются определенные нормы поведения». Первый этап – «действия, подготавливающие к путешествию (получение благословения священника, сбор денежных средств, организация партии паломников, выбор даты путешествия)». Второй – этап собственно «передвижения богомольцев к месту поклонения (пешком, в исключительных случаях – с помощью транспортных средств), в ходе которого происходит очищение верующих». Следующий – сам «момент соприкосновения со святыней, ...в ходе которого происходит контакт с миром

Абсолюта, обуславливающий пограничное состояние паломника». И завершающий, четвертый – «возвращение субъекта в земной мир, но уже в ином – преображенном – качестве» [12, С. 20]. В сакральном ритуале не существует возможности «срезать дорогу»: каждое действие имеет значение, смысл и цену.

Со второй половины XIX века и до настоящего времени неоднократно появлялись зарисовки, мемуары и исследования, производившие сравнения между русскими и европейскими паломниками в Святой земле конца XIX – начала XX века. В некоторых из них указывается на случайность формирования и внешнюю «неорганизованность» русских паломников, что, безусловно, верно, если рассматривать транспортную часть паломничества с момента погрузки на пароходы и отхода их из Одессы [6, С. 69, 73]. В то же время часто из виду упускается то обстоятельство, что само паломничество в библейские места для большинства «поклонников» было продолжением паломнических практик, норм и обычаев, сложившихся внутри России на протяжении многих веков, и являлось некоей их практической вершиной. В частности, одним из принципов русского паломничества являлась его публичность и организованность не в процессе перемещения, а на уровне общины: «о сборах на богомолье (как ближнее, так и тем более дальнее) было принято заблаговременно сообщать родственникам, соседям, чтобы те могли дать те или иные поручения... В случае дальнего паломничества приходской мир старался снабдить богомольца всем необходимым, прибегая к помощи священнослужителя... Во второй половине XIX в. в региональных изданиях даже стали публиковать объявления о намерении тех или иных лиц отправиться в дальнее паломничество» [18, С. 51–52; 3, С. 347].

Затем, следуя нормам и практикам, сложившимся в течение столетий внутри страны, происходило постепенное и регулируемое многими обычаями и правилами перемещение такого пилигрима к местам поклонения, зачастую по крайне сложному, обусловленному не вполне понятными внешнему наблюдателю причинами маршруту, зачастую отнюдь не оптимальному с точки зрения физических и финансовых затрат. В Хитрово отмечал, что «определить... по каким Русским дорогам проходят паломники – нет возможности... в виду так сказать духовной стороны паломничества. Большая часть паломников не идет... кратчайшим путем... Св. град... является для них лишь конечною целью целого ряда долгих предварительных странствий, искривляющих Россию во всех направлениях от Соловецкого монастыря до Почаевской лавры. ...другая часть... считает долгом попутно посетить Русские и Афонские Святыни и потому выбирает ... путь ...который дает возможность посетить наибольшее число намеченных им Священных местностей» [27, С. 304]. Единственным очевидным географическим пунктом паломничества в Святую землю, явно восходящим ещё к домонгольской традиции и подтверждающим очевидную архаичность подобных практик, были монастыри Киева: «...в течение целого века тянулись Русские паломники по всем тропам обширной Руси, выбираясь на торные дороги, ведущие к Киеву, где и теперь, как во времена Великокняжеской Руси... собираются почти все Русские паломники Св. Земли» [27, С. 310].

В ранее упомянутом тексте В. Н. Хитрово, обращая внимание на то обстоятельство, что паломнические книжки ИППО хоть и не давали чрезвычайных материальных преимуществ, но всё же были очень удобны и выгодны для их владельцев, недоумевал о причинах их не столь большой популярности [27, С. 312–314]. Подобная реакция, по всей видимости, была следствием двойственной идентичности русских образованных людей второй половины XIX в.: они, с одной стороны, были, безусловно, людьми религиозными и воцерковленными, но, с другой стороны, они не могли не быть людьми европеизированными, крайне редко глубоко погружёнными в практики и обычаи широких народных масс, сохранивших древнейшие представления о должном поведении истинного паломника.

Недоумение образованных современников, вызванное поведением широких масс русских паломников, вполне объясняется некоторым различием ментальных установок. Традицион-

ный русский паломник «из простых» понимал, что правильный путь к святыням должен быть сложным как часть испытания, которую нельзя облегчать, даже путем приобретения особых документов. Многими же состоятельными и образованными лицами дорога в Святую землю зачастую воспринималась как путешествие и перемещение к местам поклонения, вблизи от которых собственно поклонение и начиналось. И в этом заключалось отличие от взглядов широких слоев русских «поклонников» – для них путь к библейским местам был неотъемлемой и обязательной частью паломничества, он начинался уже по выходе из дома и должен был соответствовать правилам на всём своём протяжении.

Возвращаясь к сопоставлению русских и европейских паломников, следует напомнить, что прежде весьма активное паломничество католиков в Святую землю получило в Средние века и Новое время несколько сильных ударов – поражения в Крестовых походах, формирование собственной католической сети паломнических маршрутов на основании добытых святынь и реликвий, Реформация, нескольких явно антиклерикально направленных революций и множество разорительных войн. И только с ростом относительного благосостояния и проявления несколько большей открытости османских властей к внешним иноверцам, а также ввиду общего роста благосостояния в последние десятилетия XIX в. потянулись новые паломнические караваны из Германии и Франции [10]. Судя по всему, подавляющее большинство их участников были статусные пожилые мужчины, участники местных католических сообществ, самостоятельно оплачивавшие свою дорогу, проживание и сопровождение, а потому требовавшие максимальной отдачи от вложенных средств. Учитывая очевидную европоцентричность мировоззрения подавляющего большинства образованных людей того времени, следует полагать явной близость характеристик их путешествий к параметрам скорее религиозного туризма, нежели средневекового паломничества с его изнурениями, власяницами, жесткими постами и долгими пешими переходами.

Кстати, европоцентричность, свойственная как системе образования, так и значительной доле культурной составляющей наиболее образованных и состоятельных слоев и сословий российского общества, вела также и к тому, что в ранее культурно едином потоке русских паломников появилась ощутимая доля тех, кто, невзирая на сложившиеся обычаи и порядки, полагал важнейшей частью паломничества именно посещение с молитвой мест деятельности Спасителя, а не всю последовательность и совокупность тяжёлых действий и путей. Об этом говорит ранее приведенная статистика, собранная В. Н. Хитрово, свидетельствующая о значительной доле (от трети до более чем половины) тех, кто не искал специальных сложностей в своем духовном путешествии в Святую землю [27, С. 312].

В такой ситуации появление Императорского Православного Палестинского Общества, упорядочивавшего и цивилизовавшего внешне плохо организованных российских паломников, стало важным шагом для развития российского паломничества нового типа: паломниками становились не только те, кто зачастую экзальтированно жаждал совершить значимый духовный подвиг, но и вполне приземлённые, однако искренне верующие православные люди: «...третью часть, ныне постепенно увеличивающуюся, составляют паломники, идущие прямо из дома, имеющие целью лишь посещение Св.Земли и совершение пути туда и обратно возможно скорее и дешевле» [27, С. 312].

Мудрость основателей, руководства и активистов этой организации проявились в первую очередь в том, что ИППО предоставляло паломникам возможность добровольного выбора, следует ли точно соблюдать обычный паломнический путь страданий или же следует опереться на помощь и поддержку мощной доброжелательной организации. При всей их относительной многочисленности посещавшие христианские святыни крестьяне, мещане, купцы и даже духовные лица ни в коей мере не могли быть организаторами и руководителями движения. В жёстко сословном русском обществе только и исключительно государственные либо

окологосударственные структуры могли выступать в качестве приемлемого координатора и организатора.

В подобной ситуации учреждение ИППО, взявшего на себя огромный пласт урегулирования как внешних, так и внутрисоссийских вопросов и проблем, оказалось идеальным «попаданием в десятку». Члены царской семьи приняли на себя тяготы защиты и поддержки простых православных людей в их стремлении на землю, ставшую родиной Спасителя: что может быть более правильным с точки зрения народных представлений о государе-защитнике! В свою очередь, старая традиция в новых условиях четко прописала многие детали организации и поведения паломников, вплоть до частичного воспроизводства в новых условиях древних маршрутов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, на основании рассмотренного выше материала можно утверждать, что успеху деятельности общества способствовал ряд неявных особенностей русской паломнической традиции. В частности, цели деятельности ИППО соответствовали задачам и целям большого и давнего традиционного пласта отечественной паломнической культуры, имевшей значительные отличия как от восточносредиземноморских православных христиан, так и от западноевропейских. Столь же удачным оказался и способ формирования, а также персональный состав организаторов Императорского Православного Палестинского Общества, которые в значительной степени соответствовали представлениям и воззрениям широких слоев русского православного населения о роли, месте и специфике поведения «правильных» приближенных православного царя. Цели и результаты деятельности общества оказались понятными и позитивно воспринимаемыми в рамках существовавшего массового менталитета и традиционных практик. По всей видимости, эти факторы (помимо множества прочих) в значительной степени способствовали быстрому укоренению и расширению структур ИППО внутри Российской империи и формированию широкого позитивного восприятия деятельности организации.

Библиография:

1. Апанасенок, А. В. Паломничество русских крестьян в Палестину в конце XIX – начале XX века / А. В. Апанасенок // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2020. – Т. 10, № 6. – С. 198–211. – EDN RZNPWU.
2. Балдин, К. Е. Русские православные паломники и греческая церковь в Палестине во второй половине XIX – начале XX в. / К. Е. Балдин // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2015. – № 4 (15). – С. 29–42. – EDN VLOKTT.
3. Бернштам, Т. А. Приходская жизнь русской деревни: очерки по церковной этнографии / Т. А. Бернштам; Т. А. Бернштам; Российская акад. наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского ун-та, 2007. – (Ethnographica Petropolitana / Центр «Петербургское востоковедение»). – ISBN 978-5-288-04215-7. – EDN QUJOYB.
4. Бушуева, С. В. Паломничество и его особенности в русской истории / С. В. Бушуева // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2008. – № 4. – С. 127–131. – EDN JZBMTD.
5. Громыко, М. М. О воззрениях русского народа / М. М. Громыко, А. В. Буганов. – М.: Издательство «Паломник», 2000. – 560 с. – ISBN 5-87468-079-9. – EDN SKDJAT.

6. Грушевой, А. Г. Специфические черты российского паломничества в Палестину на рубеже XIX – XX вв. / А. Г. Грушевой // *Вспомогательные исторические дисциплины*. – 2017. – Т. 36. – С. 62–77. – EDN YTZKLD.
7. Докучаев Н. Древнерусское паломничество ко святым местам Востока // *Прибавление к Черниговским Епархиальным известиям*. – 1867. – № 1–4, 7.
8. Елисеев А. В. С русскими паломниками на Святой Земле весной 1884 г. (Очерки, заметки, наблюдения). – Санкт-Петербург: Типография В. Киршбаума, в д. Министерства Финанс., на Дворц. площ., 1885. – 366 с.
9. Житенев, С. Ю. История русского православного паломничества в X – XVII веках: монография / С. Ю. Житенев; Паломнический центр Московского Патриархата. – М.: Индрик, 2007. – 479 с. – ISBN 978-5-85759-455-1. – EDN QUJXGF.
10. Житенев, С. Ю. Паломничество как религиозное наследие (Часть 2) / С. Ю. Житенев // *Журнал института наследия*. – 2015. – № 2 (2). – С. 8. – EDN UDLQFJ.
11. Житенев, С. Ю. Религиозный туризм и паломничество в Российской Федерации: современное состояние и перспективы развития / С. Ю. Житенев // *Журнал института наследия*. – 2016. – № 1 (4). – С. 3. – EDN VQZXLD.
12. Калужникова, Е. А. Паломничество как ритуал / Е. А. Калужникова // *Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки*. – 2006. – Т. 47, № 12. – С. 13–27. – EDN JJPJYN.
13. Кормина, Ж. В. Паломники: Этнографические очерки православного номадизма / Ж. В. Кормина. – М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2019. – 351 с. – ISBN 978-5-7598-1939-4. – DOI 10.17323/978-5-7598-1939-4. – EDN MDFLEI.
14. Максимов, С. В. Бродячая Русь Христа-ради / [сочинение] Е. Максимова. – СПб.: Типография Товарищества «Общественная польза», 1877. – 467 с.
15. Мансуров Б. П. Православные поклонники в Палестине / [Соч.] Б. Мансурова. – СПб.: Типография Морского министерства, 1858. – 106 с.
16. Миллер В. Ф. К бытине о сорока каликах со каликою // *Журнал Министерства народного просвещения*. – 1899. – Часть CCCXXIV. – № 7. – Август. – СПб.: Типография Балашев и К. – С. 465–500.
17. Моклецова, И. В. Русское православное паломничество как явление культуры (на примере произведений А. Н. Муравьева): специальность 24.00.01 «Теория и история культуры»: диссертация на соискание ученой степени кандидата культурологии / Моклецова Ирина Васильевна. – Москва, 2002. – 207 с. – EDN QDOGAP.
18. Мурашова, Ю. А. Православное паломничество в провинциальной России в условиях общественно-политических и культурных трансформаций 1861–1991 гг. (на примере Курской Коренной пустыни): специальность 07.00.02 «Отечественная история»: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Мурашова Юлия Александровна, 2018. – 224 с. – EDN LCDDWI.
19. П. Лотти о русских паломниках и Русском доме в Иерусалиме // *Сообщения Императорского православного Палестинского общества*. – 1895. – Февраль. – СПб.: Типография В. Киршбаума, 1895. – С. 83–85.
20. Платонов А. И. Древнерусские паломники из среды духовенства и мирян // *Сообщения Императорского православного Палестинского общества*. – 1906. – Т. 17. – Вып. 4. – С. 521–546.
21. Поплавская, Х. В. Народная традиция православного паломничества в России в XIX–XX веках (по материалам Рязанского края): специальность 07.00.07 «Этнография, этнология и антропология»: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Поплавская Христина Владимировна. – Москва, 2000. – 254 с. – EDN QDENYT.

22. Поплавская Х. В. Паломничество, странноприимство и почитание святынь (по материалам Рязанского края) // Православная жизнь русских крестьян XIX – XX веков: Итоги этнографических исследований. – М.: Наука, 2001. – С. 251–300.
23. Прыжов И. Нищие на святой Руси. Материалы для истории общественного и народного быта в России. Издательство «Молодые Силы». – Казань: Тип. Л. П. Антонова, 1913. – 83 с.
24. Пыпин А. Н. Древнерусское паломничество. – Санкт-Петербург: Издание Императорского православного палестинского общества, 1896. – 77 с.
25. Срезневский И. И. Русские калики древнего времени // Записки Имп. Академии Наук. Т. 1. Кн. 2. – СПб., 1862. – С. 188–209.
26. Туристы в Иерусалиме // Сообщения Императорского Православного Палестинского общества. Июнь 1895. – СПб., 1895. – С. 272–275.
27. Хитрово В. Н. Какими путями идут русские паломники в Святую землю // Сообщения Императорского Православного Палестинского общества. 1901., № 3. – СПб., 1901. – С. 303–327.

References:

1. Apanasenok A. V. Palomничество russkikh krest'jan v Palestinu v konce XIX - nachale XX veka [Pilgrimage of Russian peasants to Palestine in the late 19th - early 20th centuries]. Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija i pravo. 2020. T. 10, № 6. P. 198-211. (In Russ.).
2. Baldin K. E. Russkie pravoslavnye palomniki i grecheskaja cerkov' v Palestine vo vtoroj polovine XIX - nachale XX v. [Russian Orthodox pilgrims and the Greek Church in Palestine in the second half of the 19th – early 20th centuries.]. Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki. № 4, 2015. P.29-42. (In Russ.).
3. Bernshtam T. A. Prihodskaja zhizn' russkoj derevni: Oчерki po cerkovnoj jetnografii [Parish Life in the Russian Village: Essays on Church Ethnography]. Sankt-Peterburg. Peterburgskoe vostokovedenie, 2005. 416 p. (In Russ.).
4. Bushueva S.V. Palomничество i ego osobennosti v russkoj istorii [Pilgrimage and its features in Russian history]. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. № 4, 2008. P.127-131. (In Russ.).
5. Gromyko M. M., Buganov A. V. O vozzrenijah russkogo naroda [On the worldview of the Russian people]. In-t jetnologii i antropologii RAN. Moscow. Palomnik, 2000. 543 p. (In Russ.).
6. Grushevoj A.G. Specificheskie cherty rossijskogo palomничества v Palestinu na rubezhe XIX-XX vv. [Specific features of Russian pilgrimage to Palestine at the turn of the 19th and 20th centuries]. Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny. Tom XXXVI, 2017. pp. 62-77. (In Russ.).
7. Dokuchaev N. Drevnerusskoe palomничество ko svjatym mestam Vostoka [Old Rus' pilgrimage to the holy places of the East]. Pribavlenie k Chernigovskim Eparhial'nym izvestijam. 1867. №№ 1-4,7. (In Russ.).
8. Eliseev A.V. S russkimi palomnikami na Svjatoj Zemle vesnoj 1884 g. (Oчерki, zametki, na-bljudenija) [With Russian pilgrims in the Holy Land in the spring of 1884 (Essays, notes, observations)]. Sankt-Peterburg. Tipografija V. Kirshbauma, v d. Ministerstva Finans., na Dvorc. ploshh., 1885. 366 p. (In Russ.).
9. Zhitenev S.Ju. Istorija russkogo pravoslavnogo palomничества v X-XVII vekah [History of Russian Orthodox pilgrimage in the 10th-17th centuries]. Moscow. Indrik, 2007. 480 p. (In Russ.).
10. Zhitenev S.Ju. Palomничество kak religioznoe nasledie (chast' 2) [Pilgrimage as a Religious Heritage (Part 2)]. Zhurnal Instituta Nasledija. 2015. №2. URL: <https://nasledie-journal.ru/ru/journals/3/23.html> (date of access: 09.09.2024). (In Russ.).

11. Zhitenjov S. Ju. Religioznyj turizm i palomnichestvo v Rossijskoj Federacii: sovremennoe sostojanie i perspektivy razvitija [Religious tourism and pilgrimage in the Russian Federation: current state and development prospects]. Zhurnal Instituta Nasledija. 2016. № 1(4). <http://nasledie-journal.ru/ru/journals/7/58.html> (date of access: 09.09.2024). (In Russ.).
12. Kaluzhnikova E.A. Palomnichestvo kak ritual [Pilgrimage as a ritual]. Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2, Gumanitarnye nauki. 2006. № 47, vyp. 12. pp. 13-27. (In Russ.).
13. Kormina Zh. Palomniki. Jetnograficheskie ocherki pravoslavnogo nomadizma [Pilgrims. Ethnographic essays on Orthodox nomadism]. Moscow. Vysshaja Shkola Jekonomiki (VShJe), 2019. 174 p. (In Russ.).
14. Maksimov S. V. Brodjachaja Rus' Hrista-radi [Wandering Rus' for Christ's sake]. Sankt-Peterburg. Tipografija tovarishhestva "Obshhestvennaja pol'za", 1877. 467 p. (In Russ.).
15. Mansurov B. Pravoslavnye poklonniki v Palestine. 1858 g. [Orthodox pilgrims in Palestine. 1858]. SPb. V tipografii Morskogo Ministerstva, 1858. 106 p. (In Russ.).
16. Miller V.F. K byline o soroka kalikah so kalikoju [To the epic about forty pilgrims with a pilgrim]. Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshhenija. Chast' CCCXXIV. 1899. Avgust. Sankt-Peterburg. Tipografija Balashev i Ko. pp.465-500. (In Russ.).
17. Moklecova I.V. Russkoe pravoslavnoe palomnichestvo kak javlenie kul'tury: Na primere proizvedenij A. N. Murav'eva [Russian Orthodox Pilgrimage as a Cultural Phenomenon: Based on the Works of A. N. Muravyov]. Moscow, 2002. 207 p. (In Russ.).
18. Murashova Ju. A. Pravoslavnoe palomnichestvo v provincial'noj Rossii v uslovijah obshhestvenno-politicheskikh i kul'turnyh transformacij 1861 - 1991 gg. (na primere Kurskoj Korennoj pustyni) [Orthodox pilgrimage in provincial Russia in the context of socio-political and cultural transformations from 1861 to 1991 (using the example of the Kursk Root Hermitage)]. Brjansk, 2018. 224p. (In Russ.).
19. P.Lotti o russkikh palomnikah i Russkom dome v Ierusalime [P. Lotti about Russian pilgrims and the Russian House in Jerusalem]. Soobshhenija IPPO. Fevral' 1895. Sankt-Peterburg. 1895. pp.83-85. (In Russ.).
20. Platonov A.I. Drevnerusskie palomniki iz sredy duhovenstva i mirjan [Old Rus' pilgrims from among the clergy and laity]. Soobshhenija Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo obshhestva 1906.T.17. Vyp.4. pp.521-546. (In Russ.).
21. Poplavskaja H.V. Narodnaja tradicija pravoslavnogo palomnichestva v Rossii v XIX – XXvekah: Po materialam Rjazanskogo kraja [Folk tradition of Orthodox pilgrimage in Russia in the 19th - 20th centuries/ Based on materials from the Ryazan region]. Moscow, 2000. 26 p. (In Russ.).
22. Poplavskaja H.V. Palomnichestvo, strannopriimstvo i pochitanie svjatyn' (po materialam Rjazanskogo kraja) [Pilgrimage, hospitality and veneration of shrines (based on materials from the Ryazan region)]. Pravoslavnaja zhizn' russkikh krest'jan XIX-XX vekov: Itogi jetnograficheskikh issledovanij. Moscow. Nauka, 2001. pp.251-300. (In Russ.).
23. Pryzhov I. Nishhie na svjatoj Rusi. Materialy dlja istorii obshhestvennogo i narodnogo byta v Rossii [Beggars in Holy Rus'. Materials for the history of social and national life in Russia]. Izdatel'stvo «Molodye Sily». Kazan': Tip. L. P. Antonova, 1913. 83 p. (In Russ.).
24. Pypin A.N. Drevnerusskoe palomnichestvo [Old Rus' pilgrimage]. Sankt-Peterburg. Izdanie Imperatorskogo pravoslavnogo palestinskogo obshhestva, 1896. 77 p. (In Russ.).
25. Sreznevskij I.I. Russkie kaliki drevnego vremeni [Russian Kaliki of old times]. Zapiski Imp. Akademii Nauk. T.1. Kn.2. Sankt-Peterburg. 1862. pp.188-209. (In Russ.).
26. Turisty v Ierusalime [Tourists in Jerusalem]. Soobshhenija Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo obshhestva. Ijun' 1895. SPB., 1895. pp.272- 275. (In Russ.).

27. Hitrovo V.N. Kakimi putjami idut ruskie palomniki v Svjatuju zemlju [On the paths that Russian pilgrims take to the Holy Land]. Soobshhenija Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo obshhestva. 1901., №3. SPb., 1901. pp. 303–327. (In Russ.).

Информация об авторе:

МАЙОРОВ Анатолий Александрович, доктор исторических наук, и. о. заведующего кафедрой истории, философии и русского языка, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Орловский государственный аграрный университет имени Н.В. Парахина», 302019, г. Орёл, ул. Генерала Родина, д. 69, e-mail: aamajorov@rambler.ru

SPIN-код: 7776-1436, AuthorID: 845056; ORCID 0000-0002-4758-7553

Authors:

MAYOROV Anatoly A., Doctor of Historical Sciences, Acting Head of the Department of History, Philosophy and Russian Language, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Oryol State Agrarian University named after N.V. Parakhin» (Russian Federation, Orel), e-mail: vitaliyy_vlasov@ro.ru

SPIN-код: 7776-1436, AuthorID: 845056, ORCID 0000-0002-4758-7553

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию (Received) 17.07.2024.
Поступила после рецензирования (Revised) 21.09.2024.
Принята к публикации 08.10.2024.